

UNITED WISDOM

Кто говорит в переводе: автор, традиция и переводчик

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-04-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Кто говорит в переводе: автор, традиция и переводчик

Эпиграф

> *Поэтому я переложил его нашим гибким белым стихом.*

Эдвин Арнольд, предисловие к «Песни Небесной», фраза о выбранном размере; собственный перевод United Wisdom с английского. Цитируется заявление переводчика, а не строка «Бхагавадгиты».

О чём эта статья

Читая перевод, мы встречаем автора через решения другого человека. Кто-то выбирает слова, перестраивает предложения, обозначает говорящих, поясняет незнакомый обычай и решает, какое место оставить трудным. Затем редактор добавляет название, примечания и сведения об издании. Всё это помогает встрече с произведением, но разные голоса легко принять за один. Особенно заметна ошибка, когда уверенное предисловие переводчика начинают цитировать как собственное учение древнего текста. В этой статье перевод рассматривается как ответственное посредничество: автору принадлежит исходное высказывание, переводчику — работа над его доступной формой, читателю — выводы из прочитанного. Мы сопоставим выбранные рассуждения Иеронима и Шлейермахера, одно предисловие Эдвина Арнольда и замечание Локка о сложных понятиях. Эти источники позволяют различить позиции участников, но не проверить все их переводы по оригиналам. Практический вопрос прост: как пользоваться переведённым текстом уверенно, когда степень доступа к его первоначальному языку ограничена, и при этом оставлять видимым, кто именно отвечает за каждое утверждение?

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Первое лицо на странице не всегда принадлежит автору

Представим издание старого диалога. На обложке стоит имя мыслителя, перед основным текстом помещено короткое предисловие, а внутри встречаются пояснения в скобках. Читатель находит фразу «я предпочёл сохранить привычный порядок» и выписывает её как признание автора. Между тем она относится к работе переводчика. Ошибка возникла до спора о точности слов: не был определён говорящий. Имя на обложке отвечает за произведение в целом, но не делает каждую добавленную строку авторской. Даже тщательно подготовленное издание требует различать основной текст, вступление, примечание и комментарий. Это не недоверие к книге; это обычная точность адреса, благодаря которой цитата попадает к своему настоящему источнику.

Полезно начать с вопроса о месте высказывания. Рассказчик внутри произведения, исторический автор и составитель вступительной статьи могут говорить от первого лица, не становясь одним человеком. В диалоге к этому прибавляются персонажи. Реплика одного собеседника ещё не выражает итоговую позицию всего произведения. Перевод делает их речь доступной, но не отменяет распределение ролей. Если исследование касается конкретного тезиса, нужно отметить, где он появляется и как на него отвечают дальше. Выбранное предложение может быть вопросом, возражением или временной уступкой. Связь с последующим рассуждением иногда важнее, чем торжественный тон отдельно стоящей строки, который переводчик сохранил или придал ей средствами своего языка.

Такое различение даёт читателю больше свободы, поскольку позволяет соглашаться избирательно. Можно ценить перевод и сомневаться в его предисловии, принимать историческую справку и спорить с выводом редактора. Однако нельзя сначала соединить эти позиции, а потом объявить автора непоследовательным из-за столкновения чужих слов. Здесь мы не предполагаем, что всякое издание вводит в заблуждение. Условный пример показывает простую проверку: прежде чем обсуждать содержание, восстановить место и роль фразы. Если граница не обозначена, корректнее назвать её неопределённой и поискать другое издание или сведения о составителе. Признанное отсутствие данных точнее, чем уверенное распределение авторства по стилю, возрасту книги или собственному впечатлению от её глубины.

II. Посредник выбирает форму, а не получает право на любую мысль

Перевод невозможен без выбора. Даже близкие языки по-разному располагают слова и связывают части предложения. Чтобы сохранить вопрос, переводчик иногда меняет порядок; чтобы сохранить различие, добавляет пояснение; чтобы не выдавать свою догадку за текст, оставляет несколько возможностей. Из этого не следует, что исходное высказывание можно заменить удобной мыслью. Выбор формы должен оставаться связанным с тем, что переводится. Читателю особенно полезно различать изменение средства и изменение утверждения: перестроенная фраза может выражать прежнюю связь, а знакомое слово может незаметно внести новую. Поэтому буквальная близость не служит достаточной проверкой, как и сама по себе гладкость не устанавливает точность. Вопрос состоит в сохранённом смысловом отношении.

В письме 57 Иероним защищает свой перевод в конкретном споре. В выбранных разделах он объясняет обстоятельства работы и предпочтение передачи смысла перед последовательным воспроизведением слов. Но у него есть оговорка о Священном Писании и значении порядка слов. Здесь перед нами аргумент участника полемики, не беспристрастный отчёт о качестве спорного перевода. Его можно использовать для постановки вопроса о верности смысла; нельзя на основании письма объявить любую свободную переделку одобренной древним авторитетом. Мы прочитали выбранные разделы в историческом английском переводе, а не сверяли обсуждаемые Иеронимом греческие и латинские тексты. Эта граница входит в саму возможность честного сопоставления, а не является случайной технической подробностью.

В обычном чтении похожая граница возникает между переводом и адаптацией. Если сложный трактат пересказан короткими современными формулами, пересказ может быть полезен, но его полезность не превращает его в точное воспроизведение каждого авторского шага. Лучше знать, что было сокращено, объединено или объяснено. Тогда читатель выбирает подходящий вход в произведение и понимает, когда нужно вернуться к более подробному тексту. Название вида работы имеет практическое значение: по адаптации можно ориентироваться в теме, но спор о конкретной формулировке требует иной опоры. Проблема появляется, когда удобный вход объявляется самим произведением целиком и читателю больше не оставляют способа отличить авторское утверждение от того, что посредник добавил ради понятности.

III. Два направления перевода делают разные требования видимыми

В выбранном фрагменте рассуждения «О различных методах перевода» Шлейермахер различает движение читателя к автору и движение автора к читателю. Это историческая нормативная постановка задачи, а не доказательство, что все современные переводы распределяются ровно на два вида. Её ценность здесь в вопросе о направлении усилия. Читателя можно постепенно вводить в непривычное устройство речи или представить чужой текст так, словно он первоначально возник в знакомой языковой среде. В обоих случаях принимаются решения о расстоянии. Они касаются не только редких слов, но и того, какие связи будут ощущаться обычными, какие потребуют внимания и в каком месте читатель заметит другую речевую привычку.

Оставленная трудность может защищать важное различие, но не всякая трудность полезна. Неясное предложение иногда связано с устройством оригинала, иногда — с неудачной работой над переводом, иногда — с недостатком пояснения. Без сверки этих обстоятельств нельзя делать неудобство чтения знаком особой верности. Обратная ошибка столь же проста: объявить хороший перевод подозрительным только потому, что его легко читать. Подход Шлейермахера помогает обсуждать намерение, а результат всё равно требует конкретных примеров. Если переводчик объясняет, какую чужую особенность сохранил, читатель получает предмет проверки. Если он лишь сообщает, что текст должен быть трудным, возникает общий лозунг, не позволяющий оценить ни одно отдельное решение в его собственном контексте.

Читатель также может менять способ работы в зависимости от цели. Для первого знакомства важна связность; для исследования термина — последовательность обозначений; для исполнения стихотворения — звучание; для исторического спора — возможность найти точное место. Ни одна цель автоматически не отменяет остальные, но их нельзя незаметно подменять. Перевод, созданный для чтения вслух, не обязан решать все вопросы исследовательской сверки. Издание с развёрнутыми примечаниями может помогать работе над понятием, хотя и требует больше времени. Вместо рейтинга всех переводов полезнее сформулировать нынешнюю задачу и посмотреть, какие решения соответствуют ей. Это сохраняет право на сравнительную оценку, одновременно удерживая её от превращения частного удобства читателя в универсальный критерий верности автору.

IV. Предисловие Арнольда: переводчик открыто обозначает свой выбор

В предисловии к «Песни Небесной», английской версии «Бхагавадгиты», Эдвин Арнольд сообщает, что выбрал белый стих и в некоторых местах лирические размеры. Он объясняет решение своим представлением о восприятии исходного размера западным слушателем. Для нашей темы важно само явное описание вмешательства в форму. Мы не принимаем его оценку слуха за измеренный факт и не проверяли перевод по санскриту. Прочитанное предисловие свидетельствует о том, как переводчик представляет задачу и результат своей работы. Оно не подтверждает, что избранная форма единственно возможна. Читатель может учитывать это заявление, рассматривая ритм английского текста, и сохранять различие между авторским стихотворным устройством и способом его передачи в другом языке.

У Арнольда есть и другие оценки: он обсуждает достоинства предшествующих переводов и сообщает исторические предположения о произведении. Эти суждения принадлежат его предисловию. В частности, высказанное там предположение о датировке и возможных связях с христианскими текстами не следует автоматически принимать как установленную современную историю «Бхагавадгиты». Здесь оно упоминается только для различения голосов. Предисловие показывает, что один посредник может одновременно переводить, сравнивать и исторически интерпретировать. Успех или неудача одного действия не доказывает правильность остальных. Нельзя ни превратить всё вступление в слова Кришны, ни опровергнуть каждую строку перевода одним несогласием с исторической гипотезой переводчика. Каждый вывод нуждается в собственном предмете проверки и в подходящих для него свидетельствах.

Это различие особенно важно, когда цитата начинает самостоятельную жизнь. Короткую фразу из предисловия легко разместить под названием древнего произведения, потеряв указание на посредника. Тогда современный читатель встречает уже новое утверждение об авторстве. Чтобы избежать ошибки, достаточно сохранить минимальный адрес: чьё предисловие, к какому изданию, какой фрагмент. В эпиграфе этой статьи именно поэтому назван Арнольд и отмечено, что цитируется его объяснение размера. Мы не приписываем эту фразу основному диалогу. Такое уточнение не уменьшает выразительность цитаты. Оно позволяет ей выполнять свою действительную работу: свидетельствовать о решении переводчика, а не изображать авторское одобрение английской формы, которой исходное произведение в выбранном издании ещё только получает новую речь.

V. Традиция не говорит одним голосом через любое издание

Слово «традиция» может обозначать устойчивую практику чтения, историю комментариев, сообщество или долгую передачу произведения. Эти значения полезно различать. Отдельное издание может опираться на традицию и одновременно выбирать из неё определённое направление. Знакомое название не гарантирует, что перед нами все её позиции. Читатель не обязан изучать всю историю, прежде чем открыть книгу, но ему стоит ограничить масштаб вывода. Формула «в этом переводе предложено» точнее, чем «вся традиция учит», если опорой служит один переводчик. Аналогично один комментарий не становится общим голосованием веков. Когда издатель обозначает свою линию толкования, это помогает пониманию; когда обозначение отсутствует, универсальный вывод остаётся неподтверждённым даже при очень уверенной подаче.

Посредничество традиции проявляется не только в специальных комментариях. Привычный перевод слова может закрепиться настолько, что другой вариант кажется искажением ещё до чтения контекста. Однако знакомство и точность — разные основания. Новый вариант следует оценивать по тому, какое различие он сохраняет и что позволяет понять. Старый вариант заслуживает того же внимания. Ни возраст, ни новизна сами по себе не решают спор. Если переводчик следует устоявшейся терминологии, полезно знать, помогает ли она нынешнему читателю увидеть нужную мысль или требует пояснения. Если отступает, полезно знать причину. В обоих случаях обсуждение становится конкретным, когда сравниваются способы передачи определённого места, а не символическая верность целому культурному наследию, о которой судят по одному непривычному слову.

Уважение к традиции поэтому совместимо с различением её внутренних голосов. Можно сохранить собственную религиозную или философскую привязанность и признавать существование нескольких способов чтения. Сравнение не требует объявлять их одинаковыми и не даёт оснований ранжировать достоинство людей по избранному переводу. Предметом остаётся текст и аргумент. Если вопрос касается внутренней нормы сообщества, нужным источником будет его собственное объяснение, а не предположение внешнего читателя. Если касается истории, потребуется историческое исследование. В этой статье такие вопросы не решаются: выбранные свидетельства показывают работу посредников, не представляют все линии христианской, индийской или европейской мысли. Ограниченная карта лучше служит пониманию, когда её граница обозначена открыто, а за пределами карты не дорисованы удобные ответы.

VI. Слова переводчика могут соединять понятия, которые автор различал

Локк в выбранных разделах третьей книги «Опыта о человеческом разумении» обращает внимание на сложные понятия, для которых языки не всегда предлагают совпадающие сочетания признаков. Здесь используется его философская постановка вопроса, а не современное экспериментальное описание всех языков. Из неё можно вывести практическую осторожность: знакомое переводное слово ещё не гарантирует знакомого содержания. Переводчик выбирает доступный знак; авторское различие нужно восстанавливать из употребления этого знака в рассуждении. Если один английский термин в разных изданиях передан разными русскими словами, расхождение само по себе не означает спор об учении. Если два исходных термина переданы одним словом, сходство тоже может скрывать различие, которое читатель узнает лишь по примечанию или последовательному сравнению контекстов.

Представим условный трактат, различающий чувство, оценку и правило. В коротком пересказе все три обозначены словом «отношение». Читатель получает понятную общую тему, но теряет связи, которыми автор разделял случаи. Позднее он может обвинить автора в смешении, хотя смешение появилось на пути передачи. Это вымышленный пример, не характеристика обсуждаемых исторических переводов. Он показывает, почему исследовательский вопрос нужно связывать с достаточной подробностью текста. Для общей ориентации объединение иногда удобно. Для вывода о структуре понятия оно создаёт дополнительную обязанность: узнать, что именно было соединено. Справедливость к посреднику состоит не в предположении его безошибочности, а в оценке работы по объявленной задаче, с возможностью отличить полезное сокращение от незаметной подмены.

Здесь помогают небольшие локальные сопоставления. Можно выбрать одно место, выписать ключевое слово и посмотреть, как оно связано с соседними утверждениями в двух переводах. Не требуется сразу объявлять лучший вариант для всей книги. Важнее определить, какую возможность каждый вариант открывает или закрывает: виден ли вопрос, сохранилась ли отрицательная частица, различены ли действующий человек и оцениваемое действие. Если оригинал недоступен, итог должен быть ограниченным: переводы по-разному представляют это место, а окончательная языковая сверка остаётся открытой. Такой результат содержателен. Он не скрывает неопределённость и не сводит работу к личному вкусу, поскольку опирается на конкретное последствие словесного выбора для понимания аргумента, которое другой читатель может обсудить и проверить.

VII. Примечание должно оставаться примечанием даже после копирования

Редакторское пояснение может сделать трудный текст понятным, если видно, к чему оно относится. Скобка, сноска, иной шрифт или указание в начале книги обозначают границу. Но при выписке оформление часто исчезает, и добавленные слова становятся частью цитаты. Получатель уже не знает, какие сведения присутствовали в основном тексте. Поэтому точность передачи включает не только буквы, но и сохранение ролей. Если цитата дополнена пояснением, добавление нужно обозначить как своё или редакторское. Если место сокращено, нельзя оставлять впечатление непрерывного авторского предложения. Мы не устанавливаем здесь правила для каждого издательского формата; речь о простом условии, благодаря которому следующий читатель может понять, на чьё утверждение он сейчас опирается и какие звенья были добавлены по дороге.

Иногда пояснение сообщает контекст, иногда предлагает толкование. Разница существенна. Указание, кто выступает в диалоге, может помогать найти говорящего; объяснение, почему его слова следует считать главным учением, уже требует аргумента. Оба вида работы допустимы, если не скрывается их статус. Особую осторожность требует формула «то есть», после которой появляется новая мысль. Читатель может принять её за простое развёртывание сказанного, хотя она исключает несколько возможных чтений. Полезно спросить, поддерживает ли выбранное место такое сужение. Если нет достаточной опоры, толкование можно сохранить как гипотезу, а не выдавать за содержание оригинала. Разметка здесь не заменяет доказательства; она лишь позволяет увидеть, где доказательство требуется и кто предлагает его поискать.

Цифровой обмен усиливает значение этой простой дисциплины. Абзац может пройти через несколько пересказов, сохранив название произведения и утратив имя переводчика. Однако скорость передачи не делает авторство менее важным. Когда мы используем найденную фразу в разговоре, полезно сохранить ссылку на конкретное издание и место, особенно если именно формулировка несёт аргумент. Это не требование перегружать каждое бытовое сообщение библиографией. Достаточно соразмерного адреса там, где возможная ошибка меняет смысл. Для общего впечатления можно говорить от себя; для точной цитаты нужно знать, что цитируется. Такое различие поддерживает и читательскую автономию: получатель сможет обратиться к тому же месту, сравнить варианты и решить, согласен ли он с предложенной интерпретацией без доверия к одному лишь авторитетному имени.

VIII. Недоступный оригинал меняет силу вывода, а не отменяет чтение

Большинство людей читает значительную часть мировой литературы через переводы. Ограничение доступа к оригиналу не делает такое чтение бессмысленным. Оно означает, что некоторые вопросы остаются доступными, а другие требуют дополнительной помощи. Можно обсуждать развитие аргумента в выбранном издании, сопоставлять реплики, анализировать последствия предложенной мысли. Труднее самостоятельно подтвердить, что конкретное исходное слово имело только один допустимый смысл. Если эти задачи не смешиваются, перевод позволяет содержательную работу без притязания на несуществующую языковую компетентность. Читатель говорит: «в этом переводе различие выражено так», и тем самым сообщает действительную опору вывода. Когда вопрос становится зависимым от оригинальной формы, он уже знает, какой именно дополнительный доступ необходим для продолжения.

Второй перевод может расширить поле наблюдения, но количество вариантов не устанавливает истину голосованием. Несколько изданий иногда опираются на один прежний перевод; иногда различаются только редакционным стилем; иногда представляют разные исходные тексты. Чтобы считать их независимыми свидетельствами, нужны сведения об их происхождении. При отсутствии таких сведений сравнение всё равно полезно, но вывод другой: у нас есть несколько способов представить место, а степень их независимости не установлена. Это точнее, чем утверждать, что совпадение большинства доказывает авторский смысл. Опора на специалиста также не отменяет вопроса о его основаниях. Хорошее пояснение помогает увидеть решение и его предел, а не требует навсегда отказаться от собственного чтения и заменить его послушанием самой уверенной интерпретации.

Неопределённость особенно важна перед сильным выводом о человеке или сообществе. Если переводная фраза используется, чтобы приписать традиции жестокость, превосходство или универсальную мудрость, потерянная оговорка способна изменить весь аргумент. Тогда стоит расширить контекст или отложить обобщение. В менее значимом разговоре достаточно отметить предварительность. Соразмерность означает, что глубина проверки зависит от того, что мы собираемся сделать с текстом. Она не означает, что неизвестное становится известным при удобном результате. Если выбранное издание даёт только часть опоры, можно сформулировать узкий вывод и сохранить остальное открытым. Такой способ чтения остаётся уверенным в пределах доступного и не вынуждает выбирать между полной недоверчивостью к переводам и некритическим принятием любой гладкой формулировки.

IX. Разногласие полезнее связывать с решением, чем с подозрением

Читатель может заметить, что перевод ему не подходит, и сначала описать наблюдение. Например, одна версия снимает двусмысленность, которую другая оставляет; одна повторяет термин, другая меняет его по контексту. Эти особенности доступны обсуждению. Предположение о скрытом намерении переводчика — уже отдельный шаг. Без свидетельств не стоит объявлять всякую разницу обманом, цензурой или предательством автора. Такое обвинение часто закрывает именно тот вопрос, который мог бы быть исследован: какое смысловое последствие имеет решение? Можно критиковать выбор сильно и предметно, не приписывая человеку мотив. Если же редакционное вмешательство прямо объявлено, полезно учитывать его описание и проверять соответствие результата заявленной цели вместо того, чтобы обсуждать вымышленную тайну.

Обратная уступка тоже опасна: уважение к труду не требует отменять содержательную критику. Переводчик может сделать неверный выбор, редактор — потерять границу, читатель — предложить более точный способ пояснения. Важно показать место и следствие. Если отрицание исчезло, следует сказать, какое утверждение получилось; если голоса слиты, назвать, кто был соединён; если комментарий стал цитатой, восстановить его статус. Исправление можно ограничить конкретным фрагментом, не пересматривая без причины всю книгу. Это позволяет сотрудничать даже при существенном расхождении взглядов. Понятный предмет замечания даёт переводчику возможность ответить основанием, исправить ошибку или объяснить альтернативу, а читателю — оценить ответ, не вступая в соревнование общего культурного достоинства сторон.

Иногда после обсуждения остаются два допустимых варианта, решающих разные задачи. Тогда полезно сохранить разницу и указать, для чего каждый подходит. Не всякий спор заканчивается устранением одного текста. Однако признание нескольких вариантов не означает, что любая версия равноправна независимо от опоры. Часть решений можно обосновать, часть — опровергнуть, часть — оставить неопределённой. Такое распределение требует конкретного чтения. В выбранных источниках нет готового универсального судьи для всех этих случаев. Они дают вопросы о смысле, направлении перевода, форме и сложном понятии. Ответ на новый фрагмент приходится строить заново с учётом его задачи. Именно эта ограниченность сохраняет полезность исторического сопоставления: старые аргументы помогают вниманию, но не подменяют сегодняшнюю проверку автоматической ссылкой на почитаемое имя.

X. Читатель отвечает за переход от текста к собственному выводу

После всех посредников появляется ещё один голос — наш. Мы связываем прочитанное со своим опытом, выбираем пример, делаем обобщение или предлагаем действие. Этот шаг может быть обоснованным, но не становится авторским только потому, что начался с цитаты. Полезно явно различать «в тексте сказано», «я понимаю это так» и «из этого предлагаю». Тогда другой человек может согласиться с источником и не согласиться с применением. Для разговора это существенная возможность: спор не приходится превращать в отказ от всего произведения. Сохранённый переход между источником и выводом делает собственную позицию более проверяемой, поскольку видно, какие её части зависят от текста и где вступает наше дополнительное суждение.

Такое чтение не сводится к бесконечному поиску ошибок. Можно доверять добросовестному посреднику и пользоваться его работой, оставляя видимыми её основания. Названный переводчик, обозначенное предисловие, конкретный указатель и честная оговорка помогают встрече с произведением. Они не гарантируют окончательную точность каждого решения, но позволяют возвращаться к спорному месту. В этой статье сохранена та же граница: Иероним, Шлейермахер, Арнольд и Локк прочитаны в указанных фрагментах, а практические примеры и выводы предложены редакцией United Wisdom. Они не приписаны всей традиции и не выданы за доказанный способ улучшить понимание. Читатель может воспользоваться различением голосов там, где оно полезно, и проверить результат по собственному вопросу к выбранному тексту.

Встреча через перевод остаётся встречей, когда посредник не исчезает из картины. Мы узнаём больше об авторе и одновременно понимаем, каким путём получили доступ. Если путь включает сокращение, комментарий или новую стихотворную форму, эти решения можно назвать и обсуждать. Если данные об оригинале отсутствуют, предел можно сохранить без выдуманного окончательного ответа. Главный результат здесь не список подозрительных слов, а привычка ставить утверждение рядом с его действительным говорящим. Тогда автору не приписываются решения переводчика, переводчик не отвечает за все читательские выводы, а собственное толкование остаётся собственным. Это делает разговор о книге точнее и даёт каждому участнику возможность объяснить именно свою часть работы, не растворяясь в одном общем авторитетном голосе.

Что это значит на практике

Выберите небольшой фрагмент перевода, который вы уже хотели обсудить. Найдите сведения об издании: имя переводчика, название произведения и указатель места. Отметьте, где заканчивается основной текст и начинается предисловие, сноска или редакторское пояснение. Если граница неясна, оставьте её вопросом. Для этой пробы не требуется читать новый трактат целиком или доказывать правильность оригинала: задача состоит в восстановлении голосов на выбранной странице.

Выпишите одно утверждение и подпишите его роль: реплика персонажа, авторское рассуждение, пояснение переводчика либо ваш вывод. При желании сравните то же место в другом издании. Назовите одну конкретную разницу и её возможное следствие для понимания. Не оценивайте намерения посредника по одному слову. Если оригинал недоступен, сформулируйте результат как сравнение переводных вариантов, сохранив вопрос об исходной формулировке открытым.

Теперь скажите другому читателю, что именно вы хотите обсудить: содержание фразы, способ её передачи или своё применение. Проверьте, помогает ли различение ролей ответить на выбранный вопрос. Возможно, понадобятся новые сведения; возможно, достаточно указанного контекста. Это предложенная редакционная практика, а не метод с доказанной эффективностью. Её можно остановить, когда задача решена, и не превращать каждое обычное чтение в обязательное расследование происхождения всей книги.

Ключевая цитата

> *Я передаю смысл смыслом, а не слово словом.*

Иероним, письмо 57, §5; собственный перевод United Wisdom с исторического английского перевода. В том же разделе имеется отдельная оговорка о Писании и порядке слов.

Связи между традициями

Сопоставление	Общий вопрос	Существенное различие
Иероним, письмо 57, §5; Шлейермахер, два направления	Как посредник сохраняет связь с исходным высказыванием?	Защита передачи смысла в конкретной полемике не равна общей теории движения читателя и автора.
Иероним, §§2,5–6; Арнольд, предисловие	Как переводчик объясняет свои решения?	Полемическая защита спорного перевода отличается от открытого объяснения выбранного стихотворного размера.
Иероним, §5; Локк, III.V.7–10	Почему буквальное совпадение слов недостаточно?	Норма передачи смысла и философское описание сложного понятия решают разные задачи; одно не доказывает другое.
Шлейермахер, два направления; Арнольд, предисловие	Как учитывается расстояние между читателями и текстом?	Теоретическое различение направлений не подтверждает конкретную оценку размера Арнольдом и не заменяет сверку перевода.
Шлейермахер, выбранный фрагмент; Локк, III.V.7–10	Что требуется для перехода между языковыми привычками?	Направление усилия переводчика отличается от вопроса о несовпадающих сочетаниях признаков понятия.
Арнольд, предисловие; Локк, III.V.7–10	Какие решения делает видимыми чужая языковая форма?	Объявленное преобразование стиха касается формы; несовпадение сложных понятий касается содержания знака.

Первоисточники

1. Иероним. Письмо 57 к Паммахию, §§2,5–6. Исторический английский перевод W.H. Fremantle, G. Lewis, W.G. Martley, NPNF, Second Series, vol.6, 1893; редакционная версия New Advent, Kevin Knight. Фактически прочитаны обстоятельства перевода и выбранная защита смысла. Латинский текст и спорный перевод отдельно не сверялись.

2. Фридрих Шлейермахер. On the Different Methods of Translating, английский перевод Waltraud Bartscht. Прочитан выбранный отрывок от «Paraphrase seeks» через два направления перевода до «transforms him into one of them», PDF страницы3–5 при отсчёте

с нуля. Не заявлены чтение всего труда, сверка с немецким или универсальность двух направлений.

3. Эдвин Арнольд. The Song Celestial, предисловие, издание New York, Truslove, Hanson & Comba, 1900, Gutenberg2388. Прочитано полное предисловие и выходные сведения. Использованы заявления переводчика о форме; его исторические гипотезы не приняты как современная установленная история. Основной перевод по санскриту не проверялся.

4. Джон Локк. An Essay Concerning Humane Understanding, vol.2, III.V.7–10, Gutenberg10616, историческое английское издание. Прочитан контекст сложных понятий и несовпадения языковых сочетаний. Это философская постановка вопроса, не эмпирический обзор языков и не чтение всей книги.

Теги

перевод, переводчик, авторство, посредничество, чтение, язык, смысл, контекст, предисловие, комментарий, примечания, интерпретация, традиция, Иероним, Шлейермахер, Эдвин Арнольд, Локк, Бхагавадгита, белый стих, форма, понятия, буквальность, адаптация, цитирование, диалог, говорящий, источник, неопределённость, сравнение, читательская автономия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.